

Глядя на спину Цзюнь Яньсина – холодную до такой степени, что это граничило с абсолютным безразличием, – Тан Чжо на мгновение замер, а затем неловко почесал затылок.

Кажется, он всё-таки немного переборщил с восторгом...

Но ведь –

Шерстка у той собачки была просто невероятно мягкой!

Хотя после того, как Тан Чжо погладил Доудоу, пёс принял такой скорбный и приунывший вид, словно готовился к скорой кончине, Тан Чжо всё равно считал его до безумия милым.

Должно быть, у него всё же появится шанс на сближение?

«Буду носить с собой несколько сосисок, чтобы в следующий раз обязательно угостить этого чудесного пёсика», – решил он.

С этой приятной мыслью Тан Чжо, напевая себе под нос весёлый мотивчик, отправился на кухню, чтобы приступить к приготовлению ужина.

Пока он увлеченно хлопотал у плиты, во второй спальне происходило следующее.

Цзюнь Яньсин поставил пакеты с доставкой на подоконник. Его брови были плотно сдвинуты, а на красивом, словно высеченном из мрамора лице, помимо привычного холода, появилось нечто большее – явная мрачность и глухое раздражение.

Он снова и снова вспоминал слова Тан Чжо и его сияющую, искреннюю улыбку, чувствуя, как в груди пульсирует странная, тягучая боль. Это был совершенно новый, пугающий опыт.

Неужели всё это из-за... того Жэнь Лю?

Цзюнь Яньсин нахмурился ещё сильнее, пытаясь разобраться в себе.

Он внезапно осознал, что совсем не хочет слышать из уст Тан Чжо ни единого упоминания о Жэнь Лю. Каждый раз, когда это происходило, его эмоциональное состояние становилось крайне нестабильным, выбивая из колеи.

Цзюнь Яньсин медленно, с трудом выдохнул, а затем тяжело сел на край кровати. Проведя ладонью по лицу, он постепенно начал успокаиваться.

Когда боковым зрением он заметил два больших пакета с едой, оставшихся на подоконнике, на секунду замер, а затем уголки его губ едва заметно дрогнули.

– Ты что, ребёнок? – прозвучала в тишине комнаты его негромкая, полная иронии реплика.

Вскоре Тан Чжо вышел из кухни с готовым ужином и устроился за обеденным столом.

Перед ним стояла скромная миска супа из красной фасоли и два корнеплода таро размером с ладонь – вот и весь его рацион на сегодняшний вечер.

Он сделал несколько осторожных глотков горячего супа, чтобы смочить горло, а затем взял таро и принялся старательно очищать его от кожуры.

Но стоило ему очистить лишь половину, как позади послышались размеренные шаги.

Тан Чжо обернулся и увидел, что Цзюнь Яньсин выходит из своей комнаты с прозрачным стаканом в руке.

«Хочет попить воды?» – промелькнуло в голове у парня.

Пока он размышлял об этом, Цзюнь Яньсин прошёл мимо него, но, бросив короткий взгляд на стол, внезапно остановился и нахмурился:

– Ты ужинаешь только этим?

Тан Чжо почувствовал лёгкое, колющее смущение. Он поспешно отвёл взгляд и, продолжая сосредоточенно чистить таро, тихо ответил:

– Сегодня случайно потратил лишнее, так что приходится немного экономить.

Затем он поспешно добавил в своё оправдание, стараясь звучать бодро:

– Зато этот таро очень вкусный, а суп из красной фасоли, который я сварил, вообще просто объедение!

Цзюнь Яньсин смотрел на него, не разжимая бровей, и в его глубоких глазах снова промелькнуло то самое странное, трудночитаемое выражение.

Он некоторое время постоял на месте, а затем на его лице отразилось чувство глубокой, почти родительской беспомощности. Он обратился к Тан Чжо:

– Есть лишняя порция? Налей и мне миску.

– А?

Тан Чжо удивленно захлопал глазами. Поняв, чего именно от него хотят, он тут же расплылся в широкой и искренней улыбке.

– Ты тоже хочешь попробовать суп из красной фасоли? Конечно, конечно, подожди всего минутку!

Тан Чжо поспешно отложил таро в сторону и вскочил, чтобы помчаться на кухню. Когда он вернулся с дымящимся супом, то увидел, что Цзюнь Яньсин уже достал пакеты с доставкой, которые ранее унёс в свою комнату.

Он аккуратно распаковал контейнеры и расставил их на столе.

- Это ты... - начал было Тан Чжо.

- Будем есть вместе, - коротко отрезал Цзюнь Яньсин.

Тан Чжо нерешительно посмотрел на него. Он и так сегодня уже воспользовался его машиной, а теперь ещё и такой роскошный ужин - ему стало неловко от такой щедрости.

Цзюнь Яньсин взглянул на него, забрал из рук парня миску с супом и, сев за стол, принялся молча есть.

Тан Чжо действительно обладал талантом к кулинарии: даже самый простой суп из красной фасоли в его исполнении оказался восхитительным. Вот только...

Слишком сладко.

Тан Чжо всё это время внимательно наблюдал за его реакцией и в какой-то момент не удержался:

- Слишком сладко, да? - с сомнением спросил он.

Он знал, что Цзюнь Яньсин не особо жалуется сладости.

- Нормально, - невозмутимо, почти сухо ответил Цзюнь Яньсин.

Тан Чжо стало смешно. Несмотря на внешнее, ледяное спокойствие собеседника, он чувствовал его истинные мысли по мельчайшим деталям мимики.

Впрочем...

Он всё равно чувствовал себя немного счастливым.

Тан Чжо больше не стал церемониться и наконец сел за стол. Он заметил, что Цзюнь Яньсин заказал очень много еды - судя по количеству приборов и контейнеров, порция была явно рассчитана на двоих.

Значит, он изначально заказывал еду и для него тоже.

Но тогда почему сначала унёс пакеты в комнату, а потом снова вынес их сюда?

Ответ на этот вопрос был слишком очевиден, чтобы его искать.

Цзюнь Яньсин что-то почувствовал, слегка поднял взгляд и встретился с сияющими, полными тепла глазами Тан Чжо.

Тот смотрел на него с довольной, почти кошачьей улыбкой, и в каждом его движении сквозила невольная нежность.

- Что такое? - спросил Цзюнь Яньсин.

- Да ничего особенного, - тихо ответил Тан Чжо.

Он улыбнулся, положил недочищенный таро обратно в миску, открыл контейнеры с доставкой и с аппетитом принялся за еду.

- Эти креветки такие свежие! А говядина – просто тает во рту! – с восторгом воскликнул он.

- Ого, повар в этом месте настоящий мастер, даже обычные ростки маша пожарил так вкусно~

В столовой то и дело раздавались восторженные комментарии Тан Чжо.

Правило «во время еды не разговаривать», похоже, было для него слишком сложным и совершенно невыполнимым.

Но... такая лёгкая и приятная атмосфера за столом была почти невозможна в холодном доме семьи Цзюнь.

Цзюнь Яньсин невольно погрузился в воспоминания: бесконечные интриги, жестокая борьба за власть... всё это ежедневно разыгрывалось в том мрачном особняке, и обеденный стол, естественно, становился главной сценой для политических игр.

Лишь переехав, он смог прожить два года в относительной тишине и спокойствии.

Цзюнь Яньсин поджал губы, глядя на суп из красной фасоли перед собой, и снова сделал глоток.

Действительно, слишком приторно.

Но... настроение, кажется, всё же улучшилось.

Вечером, ещё до того как закончился сериал, Тан Чжо начал часто зевать.

После той страшной аварии тело ещё не до конца восстановилось, да и прежний владелец не особо заботился о здоровье, поэтому он всё ещё оставался довольно слабоват.

Сегодня он слишком много суетился, и сонливость накрыла его гораздо раньше обычного.

Зевнув в очередной раз, Тан Чжо лениво откинулся на мягкую спинку дивана и посмотрел на Цзюнь Яньсина, который сидел в метре от него, выпрямившись, словно натянутая струна.

- Цзюнь Яньсин, пойдём спать, я очень устал... - из-за сильной сонливости его слова звучали невнятно, а тихий голос казался особенно мягким и обволакивающим.

Цзюнь Яньсин нахмурился.

Опять эти двусмысленные фразы...

Он повернул голову и увидел Тан Чжо с полуприкрытыми глазами и затуманенным, сонным взглядом. От этого зрелища тело Цзюнь Яньсина слегка напряглось.

Тан Чжо потёр глаза, точно маленький котёнок, и продолжил:

- Завтра утром будет повтор, можем посмотреть его, когда проснёмся~

Значит, он всерьёз собирается пересматривать этот бестолковый сериал ещё раз?

Взгляд Цзюнь Яньсина невольно упал на слегка приоткрытые, влажные губы Тан Чжо. Почувствовав внезапную сухость в горле, он заставил себя отвести взгляд и коротко, сухо хмыкнул.

- Ура, спать!

Получив его согласие, Тан Чжо радостно схватил пульт, выключил телевизор и с трудом, пошатываясь, поднялся на ноги.

Цзюнь Яньсин остался сидеть на диване, наблюдая, как тот проходит мимо. Его взгляд невольно задержался на прямых, белых ногах, видневшихся из-под коротких шорт...

Кадык в горле неконтролируемо дёрнулся.

Он услышал собственный, ставший слегка охрипшим голос:

- Не нужно нанести мазь?

- М? Мазь?

Тан Чжо на секунду затормозил, проследил за его взглядом и, посмотрев на ноги, понял, что речь идёт о специальном креме от шрамов.

- А! Я уже намазал её после душа, - ответил он.

- Спасибо за вчерашнее.

Цзюнь Яньсин поднял на него глаза, в глубине которых, казалось, бурлили опасные скрытые течения. Не дожидаясь, пока Тан Чжо успеет разглядеть их, он резко встал и направился во вторую спальню.

- Эй, подожди меня!

Тан Чжо поспешно выключил свет в комнате и последовал за ним.

- У тебя сегодня голова не болит? - Тан Чжо сел на край кровати и заговорил с ним своим самым мягким и заботливым голосом.

Цзюнь Яньсин, который уже собирался лечь, внезапно замер.

Он уставился на Тан Чжо и, вопреки правде, ответил лишь одним коротким словом:

- Болит.

Тан Чжо не мог не беспокоиться, в его голосе зазвучала тревога.

- Ты правда не хочешь сходить в больницу?

- Не нужно.

Цзюнь Яньсин смотрел на него своими глубокими чёрными глазами:

- Ты сегодня...

- Не волнуйся, я обещал массировать тебя целую неделю и ни в коем случае не нарушу своего

слова! – лучезарно улыбнулся Тан Чжо. – И ты тоже не забудь про своё обещание.

Цзюнь Яньсин хотел что-то сказать, но в итоге промолчал и, лишь коротко кивнув, закрыл глаза.

На самом деле, он хотел сказать совсем не то, что Тан Чжо ожидал услышать...

Тан Чжо действительно сдержал своё слово. В течение следующей недели он днём увлеченно изучал сложные рецепты выпечки, а по вечерам старательно делал массаж Цзюнь Яньсину, не пропустив ни единого дня.

– Сегодня последний раз.

В тот вечер Тан Чжо снова притащил стул к кровати во второй спальне и сел, обращаясь к Цзюнь Яньсину.

Услышав его неожиданно бодрый тон, Цзюнь Яньсин поджал губы.

Он пристально, почти изучающе смотрел на Тан Чжо, пытаясь что-то прочесть на его лице, но потерпел неудачу.

– Ложись скорее, – поторопил его Тан Чжо.

Все эти дни он был чрезмерно занят изучением десертов, потратил на это немало сил и времени, а по вечерам ещё и массаж – он чувствовал себя совершенно выжатым, словно лимон.

Ему хотелось поскорее закончить процедуру и наконец-то лечь спать.

Под постоянными, настойчивыми уговорами Тан Чжо Цзюнь Яньсин всё же лёг.

Несмотря на то, что в его голове роились тысячи противоречивых мыслей, он незаметно для самого себя уснул. Когда он пришёл в себя, было уже утро следующего дня.

Чистый, прозрачный утренний свет пробивался сквозь узкие щели в шторах, наполняя комнату мягким, золотистым сиянием.

Полноценный, глубокий сон, после которого чувствуешь себя по-настоящему бодрым, а вся накопленная усталость исчезает без следа – только тот, кто долго и мучительно страдал от бессонницы, знает, насколько это прекрасно.

Только вот...

Прошлая ночь была последней согласно их договору.

Цзюнь Яньсин слегка повернул голову, глядя на пустующее место рядом с собой. Как и в течение всей прошедшей недели, за исключением той первой, почти сказочной ночи, Тан Чжо ни разу не пытался остаться в его комнате.

В это время, кроме обязательного массажа и совместных вечерних просмотров телевизора, Тан Чжо не совершал никаких действий, выходящих за рамки приличия.

Будь то тонкие намёки или его собственная игра в слабость – Тан Чжо больше не проявлял никакой лишней инициативы.

Он был полностью занят своими делами и, казалось, совсем перестал думать о нём.

Цзюнь Яньсин полагал, что Тан Чжо предложил массаж исключительно для того, чтобы сблизиться с ним, но теперь ему казалось, что он снова глубоко ошибся.

Такое развитие событий не было чем-то плохим – по крайней мере, сейчас Тан Чжо не выглядел как человек с какими-то скрытыми, корыстными мотивами, но...

Цзюнь Яньсин медленно коснулся груди.

Почему в сердце стало так пусто, будто из него вырвали что-то жизненно важное?

Он долго смотрел в белый потолок, и на его красивом лице отразилось искреннее недоумение.

Через некоторое время Цзюнь Яньсин перевернулся на бок, обнял подушку, принадлежавшую Тан Чжо, и с жадностью уткнулся в её мягкость.

Сначала он лишь слегка прижался к ней, но постепенно сжал руки, обнимая её всё крепче и крепче, пока подушка окончательно не деформировалась.

Однако сладкий, едва уловимый аромат персика стал совсем слабым, и даже самый глубокий вдох не мог заполнить ту зияющую пустоту, что образовалась в его душе.

Как бы он ни сдерживал себя раньше, сейчас Цзюнь Яньсин был вынужден окончательно признать свои истинные желания.

Желание...

Непреодолимое желание обладать Тан Чжо.

<http://bllate.org/book/18547/1789292>